

Д.А. Мезинов

**К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВАНИИ КЛАССИФИКАЦИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ
НА ПРЯМЫЕ И КОСВЕННЫЕ**

Анализируются подходы к определению основания классификации доказательств на прямые и косвенные. Автор предлагает под таким основанием понимать место устанавливаемого доказательством факта в структуре предмета доказывания по конкретному уголовному делу с отнесением доказательств, устанавливающих непосредственно своим содержанием главный факт, к прямым доказательствам, а доказательств, устанавливающих только вспомогательные (промежуточные, доказательственные) факты, – к косвенным.

Ключевые слова: классификация уголовно-процессуальных доказательств, предмет доказывания, главный факт, прямые и косвенные доказательства.

В рамках классификации уголовно-процессуальных доказательств традиционно деление доказательств на прямые и косвенные. Следует отметить, что как долгое время в советский период, так и в дореволюционный период времени применительно к данному делению среди ученых-процессуалистов имел место ряд дискуссий. Причем часть дореволюционных ученых обосновывала мнение об утрате актуальности и устаревании данного деления доказательств в условиях отказа отечественного уголовного судопроизводства от формальной теории доказательств и перехода к доказыванию, основанному на свободной оценке доказательств по внутреннему убеждению [1, с. 197–202]. В то же время большинством дореволюционных ученых [2, с. 59; 3, с. 185–186; 4, с. 399–401], а затем, по сути, всеми советскими процессуалистами признавалось, а ныне российскими процессуалистами признается значение этой классификации, ввиду очевидно осознаваемого отличия использования в доказательственном процессе (прежде всего, в его мыслительной части) прямых доказательств от использования в нем доказательств косвенных. Так, особые этапы работы с косвенными доказательствами традиционно достаточно подробно описывались и описываются в разделах процессуальной литературы, посвященных теории доказывания [5, с. 384–391; 6, с. 273–282; 7, с. 565–567; 8, с. 164–165; 9, с. 131; 10, с. 43].

Одним из дискуссионных вопросов применительно к рассматриваемой классификации доказательств выступает вопрос о её основании (критерии деления), поскольку ответ на данный вопрос определяет то, какие именно доказательства относить к прямым, а какие – к косвенным. Думается, наиболее удачно ответил на данный вопрос М.С. Строгович, указав в качестве такого основания отношение доказательства (его содержания, содержащихся в нем сведений) к главному факту предмета доказывания по уголовному делу: «Доказательства делятся на прямые и косвенные в зависимости от того, – пишет он, – устанавливает ли доказательство главный факт – совершение обвиняемым инкриминируемого ему преступления – или доказательственный факт...

Прямое доказательство устанавливает главный факт... Косвенное доказательство устанавливает не главный факт, а доказательственный факт, который, в свою очередь, является доказательством главного факта» [5, с. 376]. И далее: «Значит, разница между прямым и косвенным доказательством состоит в том, что именно, какой факт устанавливается этим доказательством и как он относится к главному факту. Каждое косвенное доказательство является прямым по отношению к тому факту, который оно непосредственно устанавливает, и отличие его от прямого доказательства заключается именно в том, что этот факт, устанавливаемый косвенным доказательством, не есть главный факт (т.е. совершение обвиняемым преступления), а есть факт доказательственный, побочный, через который устанавливается главный факт» [5, с. 377]. Используя приведенные суждения, можно уточнить, что основанием классификации доказательств на прямые и косвенные следует рассматривать место факта, устанавливаемого доказательством, в структуре предмета доказывания по конкретному уголовному делу. При учете, что предмет доказывания по конкретному уголовному делу (индивидуальный или отдельный, единичный [11, с. 81–82] предмет доказывания) включает в себя как главный факт, так и вспомогательные (промежуточные, доказательственные) факты [5, с. 366–370; 11, с. 77–78].

В то же время само выделение в структуре предмета доказывания главного факта было подвергнуто критике. Пожалуй, главный аргумент критиков заключался в ссылке на появление специальной нормы ст. 68 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1960 года [12] об обстоятельствах, подлежащих доказыванию, которая, по их мнению, охватила весь круг обстоятельств, который принято называть главным фактом, в связи с чем обозначаемая понятием «главный факт» теоретическая конструкция «превратилась в бессодержательный термин, ничего не дающий ни теории уголовного процесса, ни практике» [13, с. 68]. Такое понимание привело к использованию в уголовно-процессуальной литературе вместо термина «главный факт» термина

«предмет доказывания», под которым подразумевается закрепленный в ст. 68 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1960 года (далее – УПК РСФСР), а с 2002 года – в ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [14], круг обстоятельств, подлежащих доказыванию по всем уголовным делам, который правильнее называть общим [11, с. 81] предметом доказывания. Аналогично в качестве основания классификации доказательств на прямые и косвенные стало указываться отношение доказательства (его содержания, содержащихся в нем сведений) к предмету доказывания [6, с. 271; 15, с. 147; 16, с. 113; 9, с. 130; 10, с. 43]. Опять-таки, как отмечалось выше, более правильно здесь говорить об отношении к общему предмету доказывания.

Считаю необходимым привести ряд аргументов в возражение приведенному пониманию основания рассматриваемой классификации и в обоснование правильности выделять в качестве такого основания именно место устанавливаемого доказательством факта в структуре предмета доказывания по конкретному уголовному делу с отнесением к прямым тех доказательств, которые устанавливают (содержат информацию непосредственно об этом) главный факт (т.е. виновность определенного лица в совершении конкретного преступления), а к косвенным – доказательств, устанавливающих (содержащих информацию непосредственно об этом) только вспомогательные (промежуточные, доказательственные) факты, с помощью которых в дальнейшем необходимо делать умозаключения о главном факте.

Во-первых, не затрагивая мнение о тождественности обстоятельств, включаемых в главный факт, кругу обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовным делам, закрепленному в прежде действовавшей ст. 68 УПК РСФСР, можно констатировать отсутствие подобного тождества между тем, что принято относить к главному факту, и кругом обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовным делам, закрепленному в ныне действующей ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ). Так, под главным фактом принято понимать совокупность фактов, из которых складывается уголовно-наказуемое деяние, содержащее объективные и субъективные элементы состава преступления. Главный факт включает в себя такие элементы, как событие преступления, факт совершения деяния конкретным лицом, форма вины и мотивы совершения преступления, иные факты, соответствующие признакам состава преступления, предусмотренного статьей уголовного закона [5, с. 363–365]. Можно сказать, что под главным фактом понимается совокупность фактов, охватываемых выражением «виновность определенного лица в совершении конкретного преступления, соответствующего признакам состава преступления, закрепленного в уголовном законе». Установление обстоятельств, составляющих главный

факт в изложенном понимании, необходимо для правильной квалификации совершенного лицом преступления, и, думается, в любом случае именно на их установление должны в первую очередь и в основном направляться усилия уполномоченных субъектов в доказывании по уголовному делу.

Особая роль главного факта в изложенном понимании среди других обстоятельств, устанавливаемых по уголовному делу, предопределила и признание особого значения тех доказательств, каждым из которых совокупность фактов, составляющих главный факт, может быть установлена непосредственно (с точки зрения сведений, содержащихся в таких доказательствах) и полно. Именно возможность непосредственного и полного установления главного факта (т.е. виновности определенного лица в совершении конкретного преступления) с помощью даже одного отдельного из таких доказательств (разумеется, после его тщательной проверки с использованием, в том числе, косвенных доказательств) определяет наименование их прямыми, с признанием их преимущественного доказательственного значения, по сравнению с доказательствами косвенными. Думается, что и в формальной теории доказательств преимущественная ценность прямых доказательств определялась именно их свойством непосредственно (прямо) и полно указывать на виновность определенного лица в совершении конкретного преступления. Так, в период господства этой теории судья «обязан был постановлять приговор исключительно на основании прямых доказательств, не оставлявших места судейскому размышлению» [1, с. 197].

Сравнивая главный факт в изложенном понимании с кругом обстоятельств, закрепленных в ст. 73 УПК РФ (взятой в редакции Федерального закона от 27.07.2006 г. № 153-ФЗ, Федерального закона от 28.06.2014 г. № 179-ФЗ, Федерального закона от 31.12.2014 г. № 530-ФЗ), мы видим среди последних обстоятельства, выходящие за пределы главного факта. Так, обстоятельства, закрепленные в п. 6 и 8 ч. 1 этой статьи, вообще не требуются при решении вопросов квалификации деяния, а обстоятельства, указанные в её п. 3 и 4, используются исходно для решения вопросов назначения наказания, а для решения вопросов квалификации деяния используются лишь в случаях прямого указания их в качестве признаков конкретных составов преступлений в Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации. Аналогично в основном для решения вопросов определения ответственности и наказания используются обстоятельства, указанные в п. 7 ч. 2 ст. 73 УПК РФ. Лишь криминологическое значение имеют обстоятельства, указанные в ч. 2 этой статьи.

Как видно, все отмеченные обстоятельства используются в основном для решения задач, вторичных по отношению к первичной задаче правильной квалификации преступления. Это качественно иного уровня обстоятельства, чем обстоятельства главного факта, и отнесение отмеченных обстоятельств к главному факту, как это следует из мнения об ото-

ждествлении всего предмета доказывания, закрепленного в ст. 73 УПК РФ, с главным фактом, представляется принципиально неверным подходом.

Во-вторых, как следствие предыдущих рассуждений, неверной представляется и привязка прямых доказательств ко всему предмету доказывания, закрепленному в ст. 73 УПК РФ. Прежде всего, невозможно представить себе существование доказательства, устанавливающего своим содержанием этот предмет доказывания в полном объеме, с соответствующим названием такого доказательства прямым. В то же время прямые доказательства, устанавливающие напрямую своим содержанием в полном объеме именно виновность определенного лица в совершении конкретного преступления, т.е. главный факт, общеизвестны. Как общеизвестно, причем, как отмечалось выше, ещё со времен господства формальной теории доказательств, и очевидно их особое (разумеется, после тщательной проверки) и непосредственное доказательственное значение для разрешения уголовного дела. Их немного: это, прежде всего, показания свидетеля-очевидца, воспринимавшего процесс совершения преступления и способного уверенно опознать его совершителя, аналогичные показания потерпевшего и признательные показания самого обвиняемого (подозреваемого), а в настоящее время к прямым доказательствам можно добавить и видеозаписи процесса совершения преступления (при возможности опознания преступника), сделанные с различных камер наблюдения. Следует отметить, что именно перечисленные доказательства приводятся в качестве примера прямых доказательств в работах процессуалистов, посвященных изложению рассматриваемой классификации доказательств, в том числе тех авторов, которые указывают основанием классификации отношение доказательства к предмету доказывания, а не к главному факту [17, с. 176; 15, с. 147; 18, с. 162]. Неприведение последними авторами иных примеров прямых доказательств свидетельствует о внутреннем (возможно, неосознанном) признании ими традиции привязки прямых доказательств именно к виновности определенного лица в совершении конкретного преступления (главному факту), а не ко всему предмету доказывания, несмотря на внешне провозглашаемую ими, вопреки такому признанию, привязку прямых доказательств ко всему предмету доказывания.

В-третьих, нецелесообразным и несоответствующим исходному представлению о прямых доказательствах полагаю считать и название прямыми тех доказательств, которые устанавливают своим

содержанием (пусть даже непосредственно) отдельные обстоятельства предмета доказывания, закрепленного в ст. 73 УПК РФ. Например, доказательство, содержание которого указывает только на место совершения преступления, или лишь на его время, или только на его мотивы и т.п. Следует согласиться с М.С. Строговичем, заметившем, что «доказательства, которые устанавливают различные обстоятельства совершенного преступления безотносительно к виновности или невиновности обвиняемого, лежат за пределами деления доказательств на прямые и косвенные ...если доказательство просто устанавливает какую-то черту самого факта преступления безотносительно к совершившему его – это доказательство будет находиться вне классификации доказательств на прямые и косвенные, т.е. не будет ни прямым, ни косвенным» [5, с. 384]. И вообще представляется несуразной привязка рассматриваемой классификации доказательств к тем ранее отмеченным обстоятельствам, закрепленным в ст. 73 УПК РФ, которые не используются для решения задач квалификации преступления, с попыткой назвать прямыми доказательства, указывающие своим содержанием отдельно на какое-либо из этих обстоятельств, например характеристику личности обвиняемого с места работы (пусть даже правдиво данную лично наблюдавшим поведением обвиняемого работодателем).

Таким образом, указание в качестве основания рассматриваемой классификации отношения доказательства (его содержания, содержащихся в нем сведений) к общему предмету доказывания, закрепленному в настоящее время в ст. 73 УПК РФ, а равно только к отдельным обстоятельствам, в него входящим, нельзя признать удачным и соответствующим сложившемуся в отечественной уголовно-процессуальной науке исходному (по сути, традиционному) представлению о прямых и косвенных доказательствах. Более правильно и целесообразно понимать в качестве основания классификации доказательств на прямые и косвенные место устанавливаемого доказательством факта в структуре предмета доказывания по конкретному уголовному делу с отнесением к прямым тех доказательств, которые устанавливают непосредственно своим содержанием главный факт, а к косвенным – доказательства, устанавливающих также непосредственно своим содержанием только вспомогательные (промежуточные, доказательственные) факты, с помощью которых в дальнейшем необходимо делать умозаключения о главном факте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. Т. 2. СПб., 1910. 586 с.
2. Викторский С.И. Русский уголовный процесс. М., 1912. 439 с.
3. Познышев С.В. Элементарный учебник русского уголовного процесса. М., 1913. 336 с.
4. Случевский Вл. Учебник русского уголовного процесса. СПб., 1913. 683 с.
5. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. М.: Наука, 1968. 472 с.

6. Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н.В. Жогин. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрид. лит., 1973. 734 с.
7. Курс советского уголовного процесса: Общая часть. М.: Юрид. лит., 1989. 640 с.
8. Уголовный процесс: Учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. В.П. Божьева. М.: Спарк, 2004. 671 с.
9. Уголовный процесс: учебник для бакалавриата юридических вузов / под ред. О.И. Андреевой, А.Д. Назарова, Н.Г. Стойко и А.Г. Тузова. Ростов н/Д: Феникс, 2015. 445 с.
10. Якимович Ю.К. Доказательства и доказывание в уголовном процессе России: учеб. пособие. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2015. 80 с.
11. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М.: Норма, 2008. 240 с.
12. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. Утвержден Законом РСФСР от 27.10.1960 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.
13. Зинатуллин З.З. Уголовно-процессуальное доказывание. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1993. 180 с.
14. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52 (Ч. 1). Ст. 4921.
15. Советский уголовный процесс: учебник / под ред. Л.М. Карнеевой, П.А. Лупинской, И.В. Тыричева. М.: Юрид. лит., 1980. 568 с.
16. Уголовный процесс: Учебник для студентов юрид. вузов и факультетов. М.: Зерцало, 1997. 510 с.
17. Советский уголовный процесс. Общая часть. М.: ВШ МВД СССР, 1973. 254 с.
18. Уголовный процесс: Учебник для вузов / под ред. В.П. Божьева. М.: Спарк, 2000. 574 с.

ON THE BASIS FOR THE CLASSIFICATION OF EVIDENCE INTO DIRECT AND CIRCUMSTANTIAL

Russian Journal of Criminal Law, 2015, no. 2(6), pp. 26–30. DOI 10.17223/23088451/6/6

Mezinov Dmitriy A., Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mez_da@mail.ru

Keywords: classification of criminal evidence, subject of proof, main fact, direct and circumstantial evidence.

The article analyses the approaches to the basis for the classification of evidence into direct and circumstantial. The author suggests that the basis for the classification be the place of the fact in the structure of the subject of proof in a particular criminal case, with the evidence that establishes the main fact classified as direct and the evidence that establishes only subsidiary (intermediate, evidentiary) facts as circumstantial.

The article analyses the approaches to the basis for the classification of evidence as direct and circumstantial described in the Russian literature on criminal procedure. Emphasising the importance of classification of criminal procedure evidence into direct and circumstantial, the author criticises the idea of the basis for the classification of evidence as the relation of evidence to the general subject of proof under Article 73 of the Russian Federation Code of Criminal Procedure that is shared by a number of Russian processualists. The author believes that it is more appropriate and corresponding to the traditional understanding prevailing in the Russian science of criminal procedure to understand the basis for the classification of evidence as the relation of the evidence to the main fact (i.e., a person's guilt of committing a certain crime) as the key element of the subject of proof in a particular criminal case. Basing on this approach, suggests that the basis for the classification be the place of the fact in the structure of the subject of proof in a particular criminal case, with the evidence that establishes the main fact classified as direct and the evidence that establishes only subsidiary (intermediate, evidentiary) facts, that later are to be used to make a decision about the main fact, as circumstantial.

REFERENCES

1. Foyntitskiy, I.Ya. (1910) *Kurs ugolovnogo sudoproizvodstva. V 2-kh tt.* [Criminal proceedings. In 2 vols]. Vol. 2. St. Petersburg: The Senate Typography.
2. Viktorskiy, S.I. (1912) *Russkiy ugolovnyy protsess* [Russian criminal trial]. Moscow: A.A. Kartsev.
3. Poznyshv, S.V. (1913) *Elementarnyy uchebnik russkogo ugolovnogo protsessa* [An elementary textbook of Russian criminal trial]. Moscow: G.A. Leman.
4. Sluchevskiy, Vl. (1913) *Uchebnik russkogo ugolovnogo protsessa* [The Russian criminal trial]. St. Petersburg: M.M. Stasyulevich.
5. Strogovich, M.S. (1968) *Kurs sovetskogo ugolovnogo protsessa* [The Soviet criminal trial]. Vol. 1. Moscow: Nauka.
6. Zhogin, N.V. (ed.) *Teoriya dokazatel'stv v sovetskom ugolovnom protsesse* [The theory of evidence in the Soviet criminal trial]. 2nd ed. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
7. Boykov, A.D. & Karpets, I.I. (eds) (1989) *Kurs sovetskogo ugolovnogo protsessa: Obshchaya chast'* [The Soviet criminal trial: General Part]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
8. Bozhiev, V.P. (ed.) (2004) *Ugolovnyy protsess* [Criminal Procedure]. Moscow: Spark.
9. Andreeva, O.I., Nazarov, A.D., Stoyko, N.G. & Tuzov, A.G. (eds) (2015) *Ugolovnyy protsess* [Criminal Procedure]. Rostov n/D: Feniks.
10. Yakimovich, Yu.K. (2015) *Dokazatel'stva i dokazyvanie v ugolovnom protsesse Rossii* [Evidence and proof in the Russian criminal trial]. Tomsk: Tomsk State University.
11. Sheyfer, S.A. (2008) *Dokazatel'stva i dokazyvanie po ugolovnym delam: problemy teorii i pravovogo regulirovaniya* [Evidence and proof in criminal cases: Problems of theory and legal regulation]. Moscow: Norma.
12. The Supreme Soviet of the RSFSR. (1960) *Ugolovno-protsessual'nyy kodeks RSFSR. Utverzhden Zakonom RSFSR ot 27.10.1960g.* [The Code of Criminal Procedure of the RSFSR. Approved by the Law of the RSFSR of October 27, 1960]. *Vedomosti Verkhovnogo Soveta RSFSR*. 40. Art. 592.

13. Zinatullin, Z.Z. (1993) *Ugolovno-protsessual'noe dokazyvanie* [Proof in the Criminal Procedure]. Izhevsk: Udmurt University.
14. Russian Federation. (2001) The Criminal Procedure Code of the Russian Federation dated by December 18, 2001, Federal Law № 174-FZ. *Legislation Bulletin of the Russian Federation*. 52(1). Art. 4921. (In Russian).
15. Karneeva, L.M., Lupinskaya, P.A. & Tyrichev, I.V. (eds) (1980) *Sovetskiy ugolovnyy protsess* [The Soviet criminal trial]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
16. Gutsenko, K.F. (ed.) (1997) *Ugolovnyy protsess* [Criminal Trial]. Moscow: Zertsalo.
17. Ministry of Internal Affairs of the USSR. (1973) *Sovetskiy ugolovnyy protsess. Obshchaya chast'* [The Soviet criminal trial. General Part]. Moscow: Ministry of Internal Affairs of the USSR.
18. Bozhiev, V.P. (ed.) (2000) *Ugolovnyy protsess* [Criminal Procedure]. Moscow: Spark.